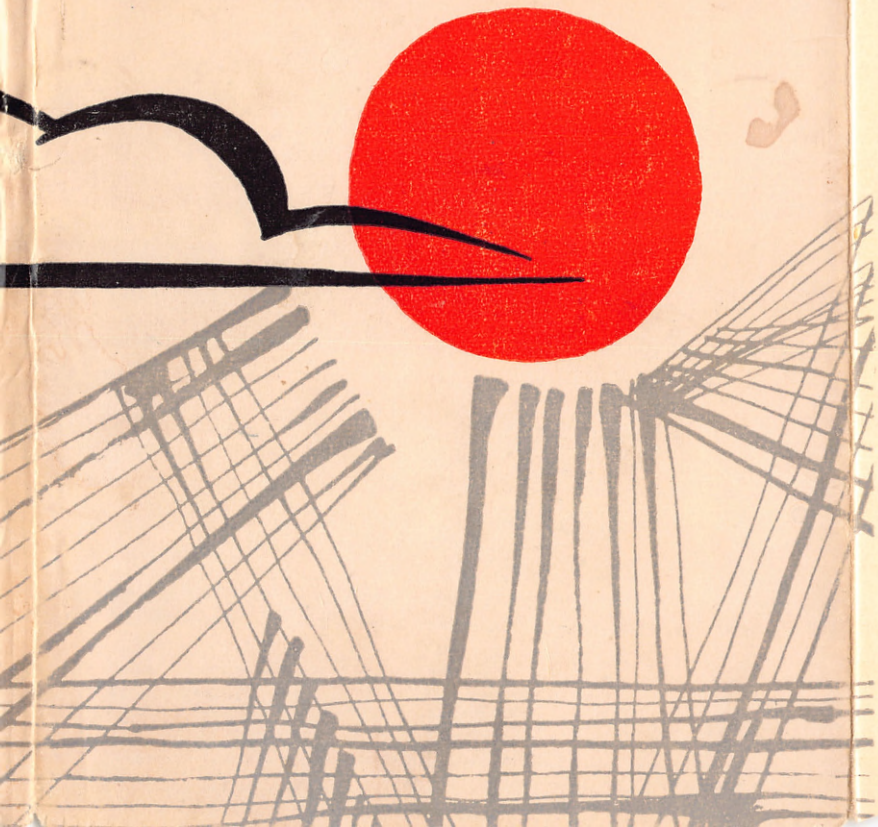

ВИКТОР СОСНОРА

ВИКТОР СОСНОРА

С О В Е Т С К И Й
П И С А Т Е Л Ъ
М О С К В А —
Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 6 2

ВИКТОР
СОСНОРА

СТИХИ

Дубарский

ДИВЕНЬ

Соснора
Виктор Александрович
ЯНВАРСКИЙ ЛИВЕНЬ

Редактор *И. С. Кузьмичев*

Художник *М. А. Кулаков*

Худож. редактор *М. Е. Новиков*

Техн. редактор *Л. П. Крючкина*

Корректор *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 22/II 1962 г. Подп. к печати 28/IV 1962 г.
М-08262 Бумага 60×90¹/₃₂ Печ. л. 3¹/₈ Уч.-изд. л. 2,65
Тираж 10 000 экз. Заказ № 315 Цена 13 к.
Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 8 УПП ЛСНХ.
Ленинград, Прачечный пер., д. 6

СТИХИ ВИКТОРА СОСНОРЫ

Виктор Соснора привлек мое внимание и своими стихами непохожими на обычные, часто печатаемые, и своей так же необычной судьбой. Разорванное на клочки детство: родился в Алушке, попал ребенком в Ленинградскую блокаду. Затем был вывезен на Кубань, где, после долгих мытарств, оказался в партизанском отряде, уцелел чудом от карателей. Затем учение, такое же несобранное: первый класс в Махач-Кале, 2-й — в Ленинграде, 3-й и 4-й классы — в Архангельске, остальные — во Львове. Многое пришлось испытать мальчику, многое прошло перед его глазами, отразилось в сознании. Но, пожалуй, самое сильное впечатление осталось от жизни во Львове, где он увлекся чтением древнерусских летописей, которые дали прочное основание для словарного богатства стиха. Затем трехлетний срок службы в армии, сильно повлиявший на творческие замыслы. И наконец, с 1958 года по сей день Соснора — слесарь Невского машиностроительного завода имени Ленина в Ленинграде.

Стихи Виктора Сосноры, по моему мнению, должны порадовать всех любителей нашей поэзии. Виктор

Соснора обладает своим голосом, который нельзя спутать ни с чьим иным. Голос этот бывает подчас резковат, но никогда не бывает банален, никогда не напоминает чужие, уже примелькавшиеся способы традиционного стиха. Соснору как поэта не сразу прочувствуешь, — как всякого поэта, не имеющего привычного стандарта поэтичности. Но зато, услышав те интонации, которые он находит для своих строк, заинтересуешься непохожестью их на ранее читанное и слышанное.

Второй раздел «Январского ливня», по-моему, самый важный в книге для понимания своеобразия дарования В. Сосноры. Это исторические стихи, написанные по мотивам «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве». Они передают нестилизованное ощущение давних времен становления русских начал, государственных и народных, становления культуры киевского периода: смуту и горе земли русской, ее дошедшие из дальнего далека подвиги и богатырство. В этих стихах нет подделки под старину, нет фальши и наигрыша; они естественно воссоздают события и эпизоды прошлого, лишь слегка опираясь на величайший наш литературный памятник «Слово о полку Игореве». Но далеко выходят эти стихи за рамки подлинника и широко раскрывают «обе полы времени» — того, давнего, и нынешнего, нашего.

Николай Асеев

МАЙ

ЭПИЗОДЫ

1

Школьник указкой
смажет по карте
и, по подсказке,
скажет:
«Блокада...
Кушали каши
мало —
вот столечко».

«Правильно», —
скажет
учитель истории.
И не задумавшись
выведет с толком,
может быть,
«двойку»,
может — «пятерку».

Дом разбомбили.
Над кирпичами
балки,
как бивни,
к небу торчали.
Над городом
сонным
«мессеры» — сельди.
Около сотни
было соседей...

Под кирпичами
найжены
лейка,
сплющенный чайник,
девичья лента,

ватная кошка,
туфля и миска...

В общем, в раскопках
не было смысла.

Был я на море.

Море вскипало.
В проблесках молний
в море купался.
Дрался на рингах,
бил по зубилу.
В праздничных криках
все позабылось,
даже блокада...

Но временами
движутся кадры
воспоминаний.

Пламя курилось —
красные миги.
Мать говорила:
«Только не книги...»

Дым над печуркой
четок, причудлив,

книги коробит
в коробке-печурке.

Пушкин,
пергамент с застежками медными...
Медленно,
 медленно,
 медленно,
 медленно
на корпуса заводские,
акации
снег опускается,
 опускается
крупными перлами,
пукáми,
белыми-белыми
пауками...

5

Мне говорят:
«Ковыряешься в прошлом.
Что ты,
парняга,
в сущности, прожил?
Азбуку мямлил,
в глобусы тыркал...»

Прожил я мало —
двадцать четыре.

Знаю блокаду,
видел расстрелы.

6

Здесь на закате
танки ревели.
Было здесь раньше
«место купаний».
Пыльно-оранжев
дым над Кубанью.
Было нас много.
Сколько — не помню.
Ерзали ноги
в глинистой пойме.

Немец,
наверно
чин офицера,
из револьвера
в головы целил.
Выстрел!
И патлами
тряс импозантно

немец —
и падали
партизаны.

Падали, словно
волны Кубани,
с пеной лиловой
между губами.

7

Что было дальше —
дальше не помню.
Пыльно-оранжев
дым,
но не пойма.
Небо как дыня,
дыня без корки.
Шей не двинуть.
В шее осколки.

Тучи — дырявы.
Травы — кубами.
И ни отряда,
и ни Кубани...

Солнце с лазури
в цех буро-серый!
Так полосует
цех,
будто зебру.

В брюках потертых,
в искрах проката,
у транспортера
наша бригада.
В солнечной пыли
бьем по зубилу.
Мы не забыли —
помним,
что было.

ОДА ЭЛЕКТРОМОНТЕРАМ

Во всех проводах сведущие,
всегда —

 под резиновыми латами,
электромонтеры!

Вы — наши светочи!

Наши аккумуляторы!

Вы — музыканты зычных моторов,
вы — живописцы ваттного спектра.
Пока существуют электромонтеры,
не бывать ночам

 без тепла,
 без света!

А бывать ночам с теплотою к ближним,
с фонарями — цветущими яблонями.
Электромонтеры!
Вы по ночным булыжникам
Шагаете, распространяя сияние.

Вы по инициативе, по смелости —
высоковольтные богатыри!
Благодарим вас,
Ваши Светлости,
Ваши Сиятельства, благодарим!

МАЙ

Земля дышала глубоко:
вдох —

май!

И выдох —

май!

Неслась облава облаков
на доли и дома.

На кузова автоколонн,
на лоно площадей
за батальоном батальон
щебечущих дождей
низринулся!

Устроил гром
такой трамтарарам,
как будто весь земной гудрон —
под траки тракторам!

Сто молний —
врассыпную,
вкось,
сто фиолетовых стрекоз
жужжали в облаках!

Сползались цепи муравьев,
и йодом пахла ель.
А я лежал, прижав свое
лицо к лицу своей
земли.
Вишневую пыльцу
над головой мело...

Вот так всегда:
лицом к лицу,
лицом к лицу
с землей!

БУДИЛЬНИК

Трамвай прошел, и шум замолк.
Что делать?
Ждать?
Уйти ли?
Уйти, взломав дверной замок,
разбив о печь будильник.

От комнатных идиллий
уйти
и на мосту
курить.

Стучит будильник.
Неравномерный стук...

Будильник.
Стрелки сложены,
приклеились к двенадцати.
То стрелки,
и положено
в двенадцать обниматься им.

То стрелки.
Им нетрудно
встречаться ежечасно,
встречаться на секунду,
и вновь на час прощаться.

А мы и на секунду
встречаемся не часто,
и даже очень трудно
нам всякий раз прощаться.

ПРОЩАНИЕ

Здравствуй!
Над луговиной
утро.
Кричат грачи.

Укусишь полынь-травину,
травина-полынь
горчит.

И никакого транспорта.
Тихо.
Трава горяча.

«Здравствуйте, здравствуйте,
здравствуйте!» —
у моря грачи кричат.

Там, по морским пространствам
странствует столько яхт!
Пена —
сугробами!

Здравствуй,
радостная моя!

Утро.
Туманы мутные
тянутся за моря...

Здравствуй,
моя утренняя,
утраченная моя!

Вот и расстались.
Ныряет
косынка твоя красная
в травах...

Моя нарядная!
Как бы там ни было —
здравствуй!

НА ВОЛГЕ

Вот и рядом.
Чай во флягах стынет.
Рассвело,
и рядом проще стало...

Правда,
ты печальной Евфросиньей
обо мне в Путивле причитала?

Я тогда
не поводил и усом,
посвист копий
да охоту чтил.

Думал —
не вернусь,
а вот — вернулся
через восемь сотен лет почти.

Разве мы
в своей судьбе студеной
не прошли тревожные азы?

Подставляй под капельки ладони.
Быть грозе,
но нет пока
грозы.

Разве нам впервой
река — отчизна,
а сухая плоскодонка — дом?
Разве нам впервой
иголки-брызги
собирать,
а завтракать дождем?

Ты припомни:
на реке Каяле,
той реке общеславянской боли,
мы стрелой из ялика
карали
княжичей, перебежавших в Поле,
в непогодь Руси...

Смотри, на карте
нет уже давно реки Каял.
Волга есть.

Над ней кудахчет катер.
Лодка есть.
А в лодке ты и я.

Да раструбы дымные над Тверью
есть,
да грузокраны над водой.
Да ладонь твоя —
твое доверье,
мокрая, блестящая ладонь.

ИЮЛЬ В ЗАКАРПАТЬЕ

Эхо
перекатывает «Эго-го!» — перекличку
гуцулов.

Это
на ободранных бревнах по Тисе гуцулы
гарцуют.

Красным
поясницы лоснятся, как медные
руды.

Краны
придвигают кубы-штабеля
к лесорубам.

Сучья
низвергаются вниз, вырубая в воде
щели.

Звучно
изгибаются пилы, как лебединые
шеи.

Мышцы
накалены добела, как лава металла
в мартене.

Мысли
обрели соразмерную зримость
материи,
сразу
зазвучав с перекличкой гуцулов
в мажоре.
Здравствуй,
здравствуй, день уравновешенных дум
и мозолей!

А ты срывай под ливнями
с косы
косынку.
Под ясенем растрепанным
бери трембиту,
труби,
как шли мы тропами
в ботинках битых,
как шли мы —
я и рыжая —
все выше,
выше,
чтоб гром во всеуслышанье
услышать.

Слышишь?

ПЛОДОРОДЬЕ

Я вышел из палатки.
Плетки ив
терзали Тису,
и стучал орешник
орехами,
и светляки витали,
как огоньки зеленые такси,
и было небо каменноугольным,
и звезды — фосфорические крабы —
ползли по небу слева вниз направо.

Все спало.
Снизу раздавался посвист
змеи ли? птицы? жабы ли? сверчка?
Все спало.
Колыхали голавли
седыми, студенистыми хвостами.
Все спало...
Нет, не спало. Слово ложно!

Все
 только
 отдыхало,
 отдыхало
от жаркого и трудового дня.

Я наблюдал, как прибавляли в росте
по миллиметрам,
медленно,
но зримо
двухлетние потомки гулких буков.
Я наблюдал: малина созревала,
сигналя из медвежьего угла
десятьюстами красных светофоров.

Все ожидало утра.
Рокотали
колосья, предвещая плодородье!

ЧАЙНАЯ

Чайная —
ни чаю и ни чашек.
Лишь чугунный чайник,
прокопченный чайник.

Сочно,
апатитами,
млеют, млеют
очень аппетитные
пельмени.

Рты разинули —
не до тарелок —
рыбаки-грузины,
рыбаки-греки.

Усы-полувенки,
фиолетовые скулы,
носы что плавники
у акулы.

В чайной чавканье,
скрежет лука!
Пьем кагор из чайника,
как из люка!

Пьем,
а челюсть лязгает
о чугун.
Шашлыки ласковые —
с кочергу!..

Шел я ошалелый,
шел в полушоке,
кустарники алели,
по щекам щелкали.

Ветер жаркий бил в лоб —
тысяча по Цельсию.

В это лето был улов
на пятьсот процентов!

БЕРЕЗЫ

1

Бывают разные березы.
В повалах — ранние березы.
А на переднем плане —
дряблые,
корявые, как якоря.

Бывают черные березы,
чугунно-красные,
чернильные,
горчичные
и цвета синьки...
А белых нет берез.

Их красят зори,
ливни беглые,
бураны —
оторви да брось!
А люди выдумали белые.
А белых нет берез.

не цветок, а ублюдок! —
и презрительно в кактус плевали.

Вечерами шушукались,
вовсе не склонные к шуткам,
очкастые змеи:
«Нужно жалить его.
Этот выродок даже цвести не умеет».

Кактус жил молчаливо.
Иногда препирался с ужами.
Он-то знал:
он настолько колюч,
что его невозможно ужалить.
Он-то знал:
и плевки, и шипенье — пока что.
Он еще расцветет!
Он еще им докажет! покажет!

Разразилась жара.
И пустыню измяли самумы.
И арыки оазисов
стали мутными.

Убежали слоны в Хиндустан,
а верблюды к арабам.
И барахталось стадо
барханных орлов

и орало,
умирая,
ломая крылатые плечи
и ноги.

Эти ночи самумов!
Безлунные ночи!

Опустела пустыня.
Стала серой, голодной и гулкой.
Ничего не осталось:
ни сусликов, ни саксаулов.
И тогда, и тогда, и тогда —
видно, время шутило —
кактус
пышно
расцвел
над песчаным незыблемым штилем.

Он зацвел,
он ворочал
багровыми лопастями.
Все закаты бледнели
перед его лепестками.

Как он цвел!
Как менялся в расцветке!
То — цвета айвы,

Как он, кактус, когда-то расцвел,
как имел лепестки —
размером с ковши! —
только ящерка видела,
но рассказать никому
не сумела.

ЛЕС

Плоды рябины —
галуны.
Рябины
оголены.

Брусника гурьбой,
панамы-грибы,
так много грибов,
хоть граблями гребь.

Линяют лисы.
Паутинки — блеск.

Мой лес!
Мой безлиственный,
лысый лес!

Мой лес!
Мой густой
деревянный добряк!

Скажи, ты готов
к дикарям-декабрям?

Готовы осины!
Настроены в бой
сутулые туловища
дубов!
Точат побег
штыки
 на стерне!
Спокойно!
Победа
на их стороне.

ЛИТЕЙНАЯ ОСЕНЬ

Вниманье!

Настала
литейная осень.
Брызги металла —
желтые осы!

Жарче июля,
ярче плаката,
гремели багряные листья проката!
Над корпусами, над ломом деталей
дымы,
как утки на юг,
улетали.

Стружки —
сырое синее сено —
стропали в копны, в скирды сгребали!
Забронированные брезентом,
в шляпах, мы выглядели грибами.

Тысяча — плану!
Пела сирена,
будто мифическая сирена.

Дали мы плавку!
Плавка созрела!

Мы спотыкались о болванки-кругляши,
мы двигались, как тяжкие
плоты,
и низвергались в круглые ковши,
как в круговые, праздничные чаши,
голубовато-белые плоды!

КРАСНЫЕ ЛИСТЬЯ

Красные листья,
красные листья
бегают, будто красные лисы,
вдоль переездов
железнодорожных,
вдоль перелесков
по гроздьям морошки,
по родникам,
прозрачным, как линзы,
бегают листья,
красные лисы.

Им бы на кленах
да на суку,
да на черенки
паутинки цеплять!
Красные листья ловят секунды,
ловят,
как лисы ловят цыплят.

Бури сорвали
красные листья,
но не втоптали в почву,
не втопчут!
Бегают листья — красные лисы —
с кочки
на кочку,
с кочки
на кочку,
мимо шлагбаумов черно-белых
бегают, бегают, бегают, бегают...

и пар изо ртов,
будто пар из вулканов.

Они,

великаны,

плывут величаво,

коньки волоча

и качая

плечами!

Они подплывают к пижонкам-

девчонкам

и зверски краснея,

рычат утонченно:

«Нельзя ли на вальсик...

вдвоем...

поразмяться...»

Да разве коток это?

Праздник Румянца!

СУГРОБЫ

Дрогнет у дороги
старикан кустарник...

Синие сугробы,
синие кристаллы,
синие сугробы
в лунных переливах,
а лыжня в сугробах —
просто пара линий.

Лыжи лижут ловко
плавные сугробы,
лыжи, словно лодки,
плавают в сугробах
по вороньим лапкам,
по волокнам сена...

Тише...
Лают лайки,
лайки Амундсена...

Дробный и торопкий
перестук на спуске...
Это же на тройке
Александр Пушкин!

Их манит виденье
снежных аномалий,
это —

заблужденье.

Я-то понимаю:
это заблужденье
вследствие блужданий
по январским дебрям,
по полянам дальним.

На полях суровых
ничего не слышно...
Лишь скрипят сугробы
да струятся лыжи.

**За
ИЗЮМСКИМ БУГРОМ**

По мотивам
«Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве»

шапчонка одноухая,
вихры
 клочками мерзлыми.
Крестьяне убаюкали
мальчишку низкорослого.
В печи до самой
полночи
рычало пламя пылкое.
Мальчишка встал тихонечко
и сел в куток
 с сопилкою.

И заиграл о Загорье,
о загорелых ратниках,
о тропах,
 что зигзагами
уводят в горы раненых.

Сны у оброчных прочные —
сопят во все подусники...

Проспали ночь
 оброчные
и не слышали
музыки.

2. БОЯН

Стихи

да кулак булатный —
все достоянье Бояна.
Есть латы,
но эти латы
отнюдь не достоянье.

Под латами-то рубаха
в прорехах,
в зубцах-заплатах.
Vsучил Ярослав-рубака
за песни
Бояну латы.

Не князь —
перекатной голью
слоняться бы вечно певчему.
А нынче идет
что гоголь,
посвечивая наплечниками.

Увидит
кабак нараспашку,
клокочущий ковш осушит,
такое понарасскажет —
от хохота пухнут уши!

И выпьет
 на полполушки,
а набузит
на тыщу.
Отыщет боярина-клушу
и под бока натычет.
Что удар —
то майский подарок,
что удар —
громыхают кости.
И кличет боярина Ставра
Боян «поросенком бесшерстным».

3. БОЯРИН

У боярина Ставра —
 хоромы,
закрома у Ставра —
 огромны,
проживает боярин в палате,
а носит
обноски-лапти.
И сам-то боярин —
 лапоть,
и лоб у него —
 не очень,

и любит боярин
лапой
в пушистой ноздре
ворочать.

Добро,
был бы хрыч старый,

а то —
двадцатитрехлетний.

Любимое дело
Ставра —
валяться в пшеничной
клетки.

Прихватит персидский
коврик,

заляжет с утра
в малинник...

Напрасно Ставра
торговле
обучает жена Марина.

Боярин лепечет —
умора! —
называет полушку аршином.
И хлещет его
по морде
сковородой Марина.

Б. ЗАСТОЛЬНАЯ. ИЗ ПЕСЕН БОЯНА

Приподнимем братины,
братья!
Пузырями в братинах
брага.
За отвагу прошедших
ратей!
Мы врагов
размешали
с прахом!
Мы подлунны,
как вся,
мы — смертны,
только преть в перинах
противно.
Приподнимем братины, смерды,
за разгул —
к потолку братины!
Приподнимем братины,
друзи,
за мятеж.
Заострим рогати.
Всех брюхатых владык —
крюком,
и на дыбу владык брюхатых!
Жрать
горбуху и квас

не вечно
нам,
на пашнях дробящим камни.
Будет править Новгراًдом
вече —
не науськанное князьками.
Быть в Новгراًде
холопской правде,
быть холопскому дьяку
в храме!
Приподнимем братины,
братья,
побратаемся с топорами!

6. СМЕРТЬ БОЯНА

За городом Галичем,
на перепутье, харчевня.
Для панства —
харчевня,
а простонародью —
корчма.
И русич, и лях, и турпей —
неумытый кочевник —
отыщут в харчевне
любое питье и корма.

На прочную ногу —
скамьи из точеного бука —
поставил харчевню
еврей-весельчак Самуил.
То флейтой зальется,
то филином зычно аукнет...
Гогочут пьянчуги, вздымая усы:
— Уморил!

Давненько не хаживал к весельчаку-иудею
соратник Бояна, хоробр новгородский
Поток.

Хозяин угодлив:
склоняя оплывшую шею,
подносит сивуху,
арбуз
и куриный пупок.

А гости,
а гости
поют разудалую песню,
отменную песню,
что слово — то конника топ.
Хозяин доволен,
лоснятся колечками пейсы.
Хозяин смущен,
плачет паче младенца Поток:

«В песчаном Чернигове
рынок что сточная яма —

в помоях и в рытвинах,
лоб расколоть нипочем.

На рынке,

в сочельник,

под вечер,

казнили Бояна,
Бояна казнили,
назначив меня палачом.
Сбегались на рынок
скуластые, тощие пряхи,
сопливых потомков таща
на костистых плечах.
Они воздевали
сонливые очи на плаху
и, плача в платочки,
костили меня, палача.

А прочие люди,
а люди болтали о рае,
что рай не Бояну,
Бояну — конечно же ад.
Глазели на плаху.
Колючие семечки жрали,
судачили:
влево иль вправо падет голова.

Потом разбредались,
мурлыча Бояновы строки, —

лелеять иконы
в своих утепленных углах.
Марина,
которой Бояном написано столько,
в ту ночь, как обычно,
с боярином Ставром легла...

Друзья разошлись по домам.
Ярость слабо
потрескивала в лучинах,
пришептывала за углом.
В тот вечер
смутилось шестнадцать полков
Ярослава.

Они посмущались,
но смуты не произошло».

ПИР ВЛАДИМИРА

Выдав на бойню
отару,
бубен добыл берендей.
Купно придвинуты чары.

Бей, бубен,
бей, бубен.
бей!

Очень обижен Добрыня —
крутит чупрыною аж:
«Вот что, Владимир,
отныне
ты мне, племяш,

не племяш.

Красное Солнце,
не гоже
ложке шуршать на губе.

Тьфу!

Деревянные ложки!»

Бей, бубен,
бей, бубен,
бей!

Хмуро десятники встали:
«Выковать ложки пора.
Разве мы

не добывали
разного злат-серебра?
Липовой ложкой
как можно
мучать дружину тебе?
Слава серебряным ложкам!»

Бей, бубен,
бей, бубен,
бей!

Бочки рядами
рядом.
Днища мокры от росы.
Брызжет в жаровнях говяда.
Бревнами вырублен сыр.
В чаши, кувшины, ендовы
хлещет медовый ручей, —
добрый,
медово-
бедовый!

Бей, бубен,
бей, бубен,
бей!

1111 ГОД

Между реками, яругами, лесами,
переполненными лисами,

лосями,

сани,

сани,

сани,

сани,

сани,

сани...

Наступают неустанно россияне.

На дружинниках меха —
баранья роба.

На санях

щиты поставлены

на ребра.

Шустро плещутся

плащи по перелескам.

Даже блески снеговые

в переплеске,

от полозьев —

только полосы

на насте...

Как бояре взъерепенились на князя:

«Ты, Владимир Мономах,

мужик не промах:

ты казну и барахло

оставил дома.

Ты заставил нас покинуть

жен, халупы,

обрядить свою холопину

в тулупы.

Где ж добыча, князь?

Морозы-то — не охнуть!

Все в сугробах половецких передохнем!»

Разъярился Мономах:

«Чего разнылись?

Разве сани

не резвы

и не резные?

Разве сабли не заточены на шеях?

Так чего же вы разнюнились,

кощеи?

Не озябли вы, бояре,

не устали, —

вам давненько по ноздрям

У ПОЛОВЕЦКИХ ВЕЖ

Ну и луг!

И вдоль и поперек раскошен.

Тихо...

Громкие копыта окутаны рогожей.

Тихо...

Кони сумасбродные под шпорами покорны.

Тихо...

Под луной дымятся потные попоны.

Тихо!

Войско восемь тысяч,

и восемь тысяч доблестны.

Тихо...

Латы златокованы, а на латах отблески.

Тихо...

Волки чуют пададь,

приумолкли волки.

Тихо!

Сеча!

Скоро сеча!

И — победа,

только...

тихо...

ведет русских руссов Мстислав на косогов.
Из бора,

где ели
у кромки рedeют,
ведет горбоносых косогов Рeдедя.
И сдвинулись армии.

Встали, горланя
орлами голодными
перед бранью
с орлами голодными.

Рявкнул Рeдедя:

«Вы, руссы,
вы — трусы,
собакины дети!

Ваш князь —
недоносок,
и харя вдобавок».

Мстислав ухмыльнулся,
Мстиславу забавно,
Мстислав сокрушенной улыбкою

застлан:

«О витязь Рeдедя,
опять
нализался!»

Летят в лопухи
оборонные латы.

Сцепились два князя.
Кулачная схватка!

Мечи — в лопухи!

Если драться —
то драться!

Наметан кулак.

Мимо скулы не клацнет.

Обучены витязи скулы мочалить.

Придвинулись армии ближе.

Молчали,

борцов одобряя бряцаньем металла.

Огромная пыль

над борцами металась.

Вот вскрикнул Редедя —

и замертво рухнул,

раскинув

черноволосые руки.

Он рухнул, как ствол под секирою грубой,

не выпивший всласть

черноземного сока.

Мстислав прикусил

размозженные губы

и, шею набывчив,

пошел на косогов,

пошел,

кулаками по воздуху тыча,

один —

против армии в несколько тысяч,

с двумя кулаками —

на полчища стали.

Смутились косоги
и вспять побежали...

Пирует Мстислав!
Созывает на праздник
окрестных крестьян
и пирует —
до храпа!

Мудрец Ярослав и молва
не напрасно
прозвали Мстислава маститого
Храбрым.

ЗА ИЗЮМСКИМ БУГРОМ

За Изюмским бугром
 побурела трава,
был закат не багров,
 а багрово-кравав,
желтый, глиняный грунт
от жары почернел.

Притащился к бугру
богатырь печенег.

Пал ничком у бугра
в колосящийся ров,
 и урчала из ран
 черно-бурая кровь.

Печенег шел на Русь,
 в сталь
 и мех наряжен,
только не подобру
 шел —
 с ножом на рожон,

не слабец и не трус, —
 получился просчет...
И кочевнику Русь обломала плечо.

Был закат не багров,
 а багрово-кروав.
За Изюмским бугром
 побурела трава.

Солнце
четкий овал
 задвигало за гать.

Печенег доживал
свой последний закат.

СКОМОРОХИ

В белоцерковном Киеве
такие
скоморохи —
поигрывают
гирями,
что калачами-крохами,
окручивают лентами
округлых дунек. . .

И даже девы бледные
уходят хохотуньями
от скоморохов,
охают
в пуховиках ночью,
ведь ночью очень плохо
девам-одиночкам.
Одним,
как ни старайся,
тоска, морока. . .
И девы пробираются

к ско-
 морохам.
Зубами девы лязгают
от стужи.
Ночи мглисты.

А скоморохи ласковы
и мускулисты,
и позволяют вольности...

А утром,
утром
у дев уже не волосы
 • на лбу,
 а кудри
окутывают клубом
чело девам,
у дев уже не губы —
уста рдеют!

Дождь сыплется...
Счастливые,
 растрепанные,
 мокрые,
смеются девы:
«В Киеве
 такие
скоморохи!»

КАЛИКИ

1

Посох тук-тук,
плетется калика,
посох тук-тук,
в лаптенках плетеных,
посох тук-тук.
Стихарь да коврига,
посох тук-тук,
у калики в плетенке.

За плечом
летописные списки
о российских
ликующих кликах.

Напевая
стишок византийский,
вперевалку
плетется калика.

Над каликой
 гогочут вприсядку
дядьки-ваньки
и девки-нахалки,
и кусают
 калику за пятки
шелудивые псы-зубоскалы.

Посох тук-тук
по сухому суглинку,
посох тук-тук
по кремнистому насту.
Непутево
плетется калика.
Ничего-то
каликe не надо.

2

Приходили калики к Владимиру,
развлекали Владимира
песенками,
и поили их винами
 дивными,
и кормили
 заморскими
персиками.

Только стольники-прихлебатели
на калик возводили
напраслину:
будто
 утром
 певучая братия
блуд вершила с княгиней Апраксией.
Взволновался Владимир
 за женушку,
понасупил бороду
грозную,
выдал стольникам розги саженные...

И мычали калики под розгами.
Отмычав,
 подтянули подштанники,
заострили кинжалы
до толики.

Рано-раненько,
 за баштанами,
прикололи калики
стольников.

**ПО МОТИВАМ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»**

Братья!
Настала година
браться за Слово Великое!

«Слово о полку Игоре»

1. ГУСЛИ БОЯНА

У Бояна

стозвонные

гусли,

а на гусях

русский орнамент,

гусли могут стенать, как гуси,

могут

и клекотать

орлами,

могут мудростью

с дубом спорить,

спорить скоростью

с волком

могут,

радость князю —
 ликуют,
 горе —
 разом с князем горестно
 молкнут.
 У Бояна
 бойкие струны!
 Словно десять кречетов
 статных
 напускает Боян
 на юное
 лебединое стадо.

Первый кречет
 кричит победно
 песню-здравицу в честь Мстислава,
 что прирезал косога Редедю
 пред полками косогов бравых.
 То не десять кречетов
 юных —
 десять пальцев,
 от песен скорченных,
 задевают струны,
 а струны
 сами славу князьям рокочут.
 Или вдруг
 заструятся
 грустью,
 журавлиною перекличкою...

У Бояна
 стозвонные
 гусли —
пе-ре-лив-чатые.

2. КОПЬЯ ПОЮТ НА ДУНАЕ...

Над Путивлем Солнце-радость
велико,
а светит слабо.

На валу,
 ограде града,
плачет лада Ярославна.

Плачет, голос поднимая,
до рассвета цвета ситца:
«Полечу я по Дунаю
бесприютною зегзицей.

Рано, рано
 на Дунае
омочу рукав бобровый,
князю раны вспеленаю,
ототру
 от крови
 брови».

Над Путивлем ветер стылый
носит запах сечи душной.

Плачет лада:
«О Ветрило!
Отчего враждебно дуешь?
Отчего,
 о Ветр-Ветрило,
добродушный и обширный,
мечешь
 на воздушных крыльях
стрелы
 в русскую дружину?»

Мало ли тебе,
 бездомный,
облака пинать по югу,
мало на море студеном
корабли волной баюкать?
Мало пригибать посевы,
дыбить мех
 лесному зверю?
Отчего ж мое веселье
по ковыль-траве
 развеял?»

Над Путивлем Солнце-радость
велико,
а светит слабо.

На валу,
ограде града,
плачет лада Ярославна,
плачет лада,
стоном стонет,
Солнцу слабому грозитя:

«Полечу к тебе я, Солнце,
бесприютною зегзицей.
Отчего в безводном поле,
жар-лучи

кидая наземь,
пропитало потной солью
ты дружину мужа-князя?
Отчего тугие луки
ты им, Солнце,
раскачало,
покоробило им тугой
камышовые колчаны?»

Над Путивлем красны тучи,
будто Игоревы раны.
Поднимая голос круче,
плачет лада Ярославна:

«О могучий Днепр Славутич!
Расколел ты горы-камни,
Святославовы онучи

с Кобяковы сапогами
ты столкнул. . .
О господине!
Прилелей мне мужа завтра.
Не хочу
 покрытым тиной,
а хочу
 живым, глазастым».

3. СЮУРЛИЯ

Налегла на Сюурлий
мгла —
 лиловый чад,
замигала,
 заюлила
юркая заря
над разливом Сюурлий.

Соловьи закрыли клювы,
но, в предвестье орд,
вытарацив очи-клюквы,
 воронье ревет
над разливом Сюурлий.

Прислонив щиты к телегам —
там казна и раб, —

дремлют правнуки Олега.
Богатырский храп
над разливом Сюурлий.

Хан Қончак полки скликает,
и крадется Гза. . .

Замолчала под клинками
ратная гроза
над разливом Сюурлий.

4. КМЕТЫ КУРЯНЕ

Мы, курыне,
 с пеленок воины,
нами все
 путь-дороги
знáемы,
наши тулы
 настежь отвóрены,
и всегда настороже
знáмена.
Если пьем —
 до отруты
бéленной,

если жрем —

в животах

оскомина.

Мы под вопли труб

всколыбелены,

с наконечников копий

вскормлены.

Наши сабли

в брусках

изобстрены,

луки,

что желваки,

напряжены.

Сами скачем степями жесткими

день и ночь за врагами княжьими.

5. НОЧЬ ПЕРЕД ПОБЕГОМ

Разве

спрашивает

страх?

Двадцать стражников

у костра.

Двадцать стражников

и Кончак.

И у каждого

колчан.

Круп коняги в жару
груб,
двадцать стражников
жрут
круп
и прихлебывают
кумыс.

Половчане —
палач к палачу,
и похлопывают
— кормись! —
князя Игоря по плечу.

Но у князя дрожит
нога,
князь сегодня бежит,
но как?
Разве спрашивает
страх?
Двадцать стражников
у костра.

Раскорячен
сучок в костре.
Что колчан,
то пучок
стрел.

Что ни стражник, то глаз
кос —

помясистой украсть
кость.

Что ни рот — на одну
мысль:

поядреной хлебнуть
кумыс.

Двадцать стражников.

Ночь.

И у каждого
нож.

6. ПОБЕГ

Неказиста река Стугна,
и струя у Стугны
скудна,

и извиленный ил
на дне,

сухощавые утки
в плавнях.

Та Стугна затворила

Днепр

князю-мальчику
Ростиславу.

домой,
доконаем закаленной
стрелой».

И сказал Гзе Қончак:
«Если сокол в гнезде
зачах,
краснощекую
 сочную дéвицу
мы положим около сокола;
никуда он тогда
не денется,
так и будет валяться
около».

И сказал Қончаку Гза:
«Ты держи начеку
 глаза.

Бабу соколу
 не подсовывай,
половчанки к русичам
слабы,
убежит половчанка
 с соколом,
и не будет
ни князя,
ни бабы».

7. СЛАВА

Лихо Солнце поднебесное
колет Днепр

лучами

острыми.

Страны

рады,

грады веселы,

Днепр с утра

хлопочет

веслами.

Бусы у девиц

агатовые,

у девиц запевки

ладные.

Днепр с утра ладьи

побалтывает,

переполненные ладами.

Ну-ка, в хоровод!

Запаришься

под июльскими деревьями.

Песню спев князьям

состарившимся,

молодым споем

со временем.

Слава

Игорю со Всеволодом,

Киев-городу

родимому.

И со Всеволодом

все в ладах,

и в ладах

с младым Владимиром!

Славься,

Русь,

лихими плясками!

Славься

злаками обширными!

Слава

Ярославне ласковой!

Слава

доблестным дружинникам!

Да будет!

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Асеев. Стихи Виктора Сосноры . . . 5

МАИ

Эпизоды	9
«Мы овладеваем токами...»	16
Ода электромонтерам	18
Май	20
Будильник	22
Прощанье	24
На Волге	26
Июль в Закарпатье	29
Идем на гору!	31
Плодородье	33
Чайная	35
Березы	37
Кактус	39
Лес	44
Литейная осень	46
Красные листья	48
Студенческий каток	50
Сугробы	52

ЗА ИЗЮМСКИМ БУГРОМ

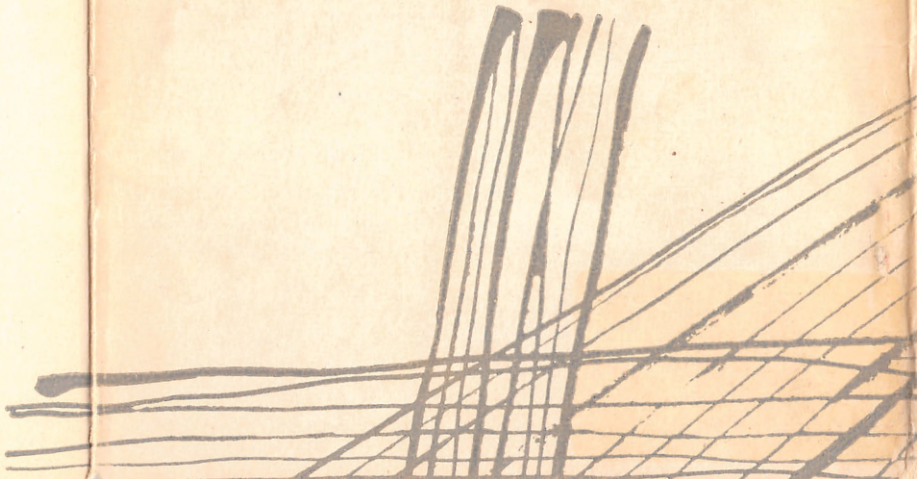
*По мотивам „Повести временных лет“
и „Слова о полку Игореве“*

Боян

1. Мальчик Боян из Загорья	57
2. Боян	59
3. Боярин	60
4. Марина	62
5. Застольная. Из песен Бояна	63
6. Смерть Бояна	64
Пир Владимира	68
1111 год	70
У половецких веж	73
Бой Мстислава с Редедей	74
За Изюмским бугром	78
Скоморохи	80
Калики	82
По мотивам «Слова о полку Игореве»	
1. Гусли Бояна	85
2. Копья поют на Дунае...	87
3. Сюрлий	90
4. Кметы куряне	91
5. Ночь перед побегом	92
6. Побег	94
7. Слава	97

13 к.

13 к.

П